

-
2. Voronov D. N. Alkogolizm v gorode i derevne v svjazi s bytom naselenija. Obsledovanie potreblenija vina v Penzenskoj gubernii v 1912 godu. Penza, 1913.
 3. Voronov D. N. Analiz derevenskogo potreblenija vina v Penzenskoj gubernii // Otdel'nye ottiski iz № 10 «Vestnika Penzenskogo zemstva». 1914.
 4. Vtoroe dopolnenie k sborniku uzakonenij i pravitel'stvennyh raspo-rjazhenij po kazennoj prodazhe pitej. SPb., 1900.
 5. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti.
 6. Istochnik. 1997. № 6.
 7. Kurukin I. V., Nikulina E. A. «Gosudarevo kabatskoe delo»: Oчерki pitejnoj politiki i traditsij v Rossii. M., 2005.
 8. Otchet Glavnogo upravlenija neokladnyh sborov i kazennoj prodazhi pitej za 1906 god. SPb., 1909.
 9. Otchet o hode i polozenii aktsiznogo i monopol'nogo dela v Varshav-sko-Sedleckom akciznom upravlenii v 1903 godu. Varshava, 1904.
 10. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv.
 11. Sbornik uzakonenij i pravitel'stvennyh rasporjazhenij po kazennoj prodazhe pitej i pervoe dopolnenie k nemu. SPb., 1899.
 12. Smeta dohodov i rashodov Glavnogo upravlenija neokladnyh sborov i kazennoj prodazhi pitej na 1900 g. SPb., 1899.
 13. Sokolov S. I. Kazennaja prodazha pitej. SPb., 1897.
 14. Sokolov S. I. Ustavy ob aktsiznyh sborah. Ch. I. SPb., 1902.

И. Л. Кислицына

**КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
В РОССИИ ПРЕДРЕФОРМЕННЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ М. А. БАКУНИНА**

Исследованы взгляды теоретика народничества и анархизма М. А. Бакунина конца 1840-х — начала 1850-х гг. на крестьянское движение в России предреформенных десятилетий. Сопоставление их с современными научными представлениями по данной проблеме привело к выводу об объективности отражения во взглядах Бакунина особенностей крестьянского движения в России этого периода, о знании им русской жизни.

Ключевые слова: анархизм М. А. Бакунина, народничество, крестьянское движение в России, дореформенный период.

I. Kislitsyna

**PEASANT MOVEMENT IN RUSSIA DURING THE DECADES PRECEDING
THE ABOLITION OF SERFDOM
IN M. A. BAKUNIN'S SOCIAL AND POLITICAL VIEWS**

The views of M. A. Bakunin, the theorist of Narodnik movement and anarchism, of the end of 1840s and the beginning of the 1850s on the peasant movement in Russia during the decades preceding the abolition of serfdom are discussed. A comparison with contemporary scientific notions about this issue leads to a conclusion that Bakunin's conception was realistic and that he was aware of Russian life of that time.

Keywords: Bakunin's anarchism, Narodnik ideology, peasant movement in Russia, the period preceding the abolition of serfdom.

Актуальность научного изучения теории М. А. Бакунина обусловлена разработкой в ней главного вопроса развития современного общества — проблемы демократии, ее политических и социально-экономических основ.

Изучение бакунизма в последний период (с 1990-х гг. по настоящее время) характеризуется исследованием его теоретических источников [1; 5]. При этом остается без внимания проблема народных основ — народного мировоззрения, условий развития России как основы формирования русского анархизма, народничества. Такой подход не позволяет раскрыть своеобразие, самобытность (оригинальность) бакунизма, решить проблемы генезиса, сущности и значения его теории и практики. В. А. Должиков, рассматривавший проблему обусловленности бакунизма российской действительностью (в рамках «сибирского периода»), пришел к необоснованному, выходящему за границы его исследований выводу, что Бакунин впервые узнал русскую жизнь, находясь в сибирской ссылке, что до и (спустя время) после «сибирской одиссеи» его деятельность характеризуется отрывом от русской почвы [6; 7].

Целью статьи является определение степени объективности отражения во взглядах Бакунина особенностей крестьянского движения в России предреформенных десятилетий, то есть решение проблемы *знания* (или *незнания*) одним из идеологов народничества, создателем анархической теории русской жизни на примере важнейшего вопроса развития России того времени — крестьянского. Задачи работы включают изучение взглядов Бакунина на крестьянское движение в России дореформенного периода и сопоставление их с современным научным пониманием этого вопроса. Цель и задачи работы определены в рамках исследовательской проблемы: соотношения условий развития России, жизни, борьбы, мировоззрения русского наро-

да, с одной стороны, и теории русского народничества, анархизма — с другой.

Выбор хронологического отрезка в процессе генезиса бакунизма (рубеж 1840–1850-х гг.) обусловлен тем, что к этому времени у Бакунина сложилась общая концепция истории России, русского народа и государства, одним из важнейших элементов которой была эволюция народного движения. Эта концепция оформилась в период европейской революции 1848–1849 гг., в которой Бакунин принял самое деятельное участие, и во время его заключения в Кенигштайнской крепости.

В работах данного периода теоретик анархизма характеризует основные особенности крестьянского движения в России предреформенных десятилетий и утверждает принципиально важную для понимания сущности его мировоззрения мысль, что борьба русского народа в это время была обусловлена пробуждающимся у крестьян чувством и сознанием своего человеческого достоинства. В «Воззвании к славянам русского патриота Михаила Бакунина», написанном в конце октября — начале ноября 1848 г. в Кэтене, говорится, что «русский народ наконец пресыщен и утомлен рабством и позором», что «он спит уже неглубоко, он только тихо дремлет, он уже начал пробуждаться» [4, III, с. 358]. Это начавшееся пробуждение, как считал Бакунин, выражалось в стремлении крестьян стать свободными и получить экономическое обеспечение своей свободы — землю. Он подчеркивает, что личная свобода в крестьянском сознании была неотделима от права крестьян на землю. В работе «Русские дела» (осень 1848 — весна 1849 г.) Бакунин продолжает: «Не следует думать, будто крестьянин не сознает, что он заслуживает лучшей, более достойной человека участи, что земля, которую он обрабатывает от имени царя, государства или своего барина, принадлежит собственно ему... Таким образом, — подводит он итог своей

мысли, — в России речь идет уже не просто об отмене крепостного права, о *свободе личности*, но и о праве на *землю* (курсив здесь и далее Бакунина. — *И. К.*). Крестьяне рассуждают об этом совершенно открыто. Они не говорят: земля нашего барина, а *наша земля*» [4, III, с. 406, 408].

Начало пробуждения народного самосознания, чувства собственного достоинства в народе, стремления крестьян к свободе с ее экономическим обеспечением — землей, то есть наступление нового периода в развитии крестьянского движения в России, Бакунин связывает с Отечественной войной 1812 года. Он доказывает, что «*бунты*, восстания служат явным свидетельством социального брожения в России» [4, III, с. 406], и выделяет характерные черты этого нового этапа движения: непрерывность (постоянный характер), нарастание (увеличение числа и территориального охвата выступлений, выход за рамки отдельных общин и волостей), рост ожесточенности борьбы и углубление требований, обусловленное сознанием крестьянами своих прав на лучшую, достойную человека жизнь.

«...Начиная с 1812 года крестьянские бунты не прекращаются, — пишет он. — Ежегодно дюжина их вспыхивает в самых различных округах, они принимают все более обширные размеры, так что если прежде поднимались лишь отдельные общины и округа, то теперь восстание охватывает несколько губерний...» [3, III, с. 407]. Бакунин объясняет это тем, что народ в России повсюду проникнут одинаковыми стремлениями.

Теоретик бунтарства установил важную особенность крестьянского движения этого периода — единство стремлений крестьянства в России, всех его категорий. В работах «Русские дела» и в «Защитительной записке» (декабрь 1849 — апрель 1850 г.) он раскрывает то, что, по его представлению, «бродит и кипит» в русском народе, — со-

держание народных стремлений и требований. Теоретик бунтарства подчеркивает, что наиболее важной для развития России «является великая перемена, которая за последние 40 лет (с войны 1812 г. — *И. К.*) наблюдается среди народа в собственном смысле» [4, IV, с. 36]. Эта перемена заключается в единстве стремлений русского народа, всех категорий крестьянства в России к свободе с ее экономической основой — землей. Он утверждает, что у крестьянина уже сложилось представление, «что земля, которую он обрабатывает», принадлежит ему, что народ в России «...един и тесно связан одним, всех одинаково касающимся обстоятельством, а именно *неволею, рабством*, в котором он находится, и стремлением из него вырваться» [4, IV, с. 36].

В концепции Бакунина утверждалась мысль о фундаментальном значении крестьянской общины, крестьянского общинного землепользования и самоуправления в развитии России, русского народа, на основании которой он доказывал неизбежность социальной революции — того, что предстоящая революция в России будет социальной. «Так, характер русской революции как революции социальной коренится во всем характере народа, в его общинном укладе, — говорилось в работе «Русские дела». — Земля принадлежит общине, отдельный крестьянин имеет лишь право пользования ею, право наследования существует только для движимой собственности, но не для земельных участков, каждые 20–25 лет происходит новый передел земли» [4, III, с. 408]. Далее он делает замечание, непосредственно «взятое из жизни», связанное с опытом его отца, А. М. Бакунина — крупного помещика, владельца 2 тыс. душ крепостных крестьян, который в начале XIX в. предпринял попытку разрушения крестьянского общинного землепользования в своем имении и перевода крестьян на индивидуальное (подворное)

землепользование [2, л. 17–17 об.]. Эта попытка завершилась полным провалом, отказом и возмущением крестьян, несмотря на все выгоды, которые, с точки зрения помещика, давала им «реформа», и А. М. Бакунин вынужден был отказаться от нее. «Нарушить этот общинный уклад хотя бы с наилучшими намерениями не допускается; это был бы смертный приговор для любого барина, — утверждает М. А. Бакунин. — Но в этом стремлении к улучшению своего положения, в этой готовности к восстанию все крестьяне — удельные, государственные и помещичьи — единодушны, так как, несмотря на существование якобы трех различных по названию категорий, их жалкая, недостойная участь совершенно одинакова», — заключает он [4, III, с. 408].

В работе «Русские дела» и в «Защитительной записке» теоретик анархизма выразил принципиально важную мысль, что борьба всех категорий крестьянства в предреформенный период была направлена на изменение условий своей жизни на основе личной свободы и владения землей, освобождения от помещичьего и государственного гнета, свободы крестьянского самоуправления. Бакунин определил суть стремлений народа, всех категорий крестьянства в России того времени, — к свободе личности и к экономической свободе, главными условиями которой было владение землей, освобождение от эксплуатации, государственной и помещичьей, чиновничьего ограбления народа, — предвосхитив наиболее глубокие выводы современного научного исследования данной проблемы. Так, Д. А. Сафонов подчеркивает, что «во главу угла крестьянских требований было поставлено желание свободы», и прямо связывает это с «пробуждением у крестьян чувства собственного достоинства. ...Именно развитие этого чувства и стремление к самостоятельности было основным и определяющим», — утверждает

автор [13, с. 23–24]. Исследователь установил имеющий важнейшее значение для понимания особенностей крестьянского движения в России той эпохи факт «...всеобщности устремлений крестьянства к хозяйственной самостоятельности», того, что общей конечной целью всех категорий крестьян была «свобода экономического хозяйствования», «создание условий для свободного хозяйствования», экономической самостоятельности [13, с. 75, 95]. Эти условия включали и личную свободу, и обеспечение землей — достаточным для свободного хозяйствования количеством земли, и освобождение от помещичьей и государственной эксплуатации, и свободу крестьянского самоуправления [13]. Представления по данному вопросу теоретика революционного анархизма полностью соответствуют выводам современной науки.

Мир народа в концепции Бакунина, сложившейся к концу 1840-х гг., противостоял государству, помещичьему и чиновничьему миру. В «Защитительной записке» он развивает мысль о том, что неразрешимое противоречие между этими двумя противоположными мирами и подъем народного самосознания обусловили переход крестьянского движения на новый уровень: оно стало постоянным и массовым в своей совокупности явлением русской жизни, нарастающим по силе и углубляющимся в отношении своих целей, стремлений, требований.

«...С 1812 года крестьянские бунты в России сделались постоянным явлением, они усиливаются и расширяются угрожающим образом, с каждым годом приобретая все больше энергии и глубины», — говорится в «Записке» [4, IV, с. 39]. Бакунин утверждает, что в ходе этой борьбы русский народ выработал «положительные» требования — освобождения личности и владения землей — и что правительство уже не может их игнорировать. «На-

род пришел к сознанию, он выработал ясно выраженную волю, и прежде всего он требует освобождения от крепостного ига и свободного владения собственностью. Его требования стали уже настолько громкими и угрожающими, что даже нынешнее правительство, напуганное ими, начало всерьез задумываться над средствами, которые могли бы хотя бы частично удовлетворить народ» [4, IV, с. 39].

В «Защитительной записке» была выражена принципиально важная для теории революционного анархизма мысль, что реформы в России предпринимаются, «но правительство совершенно бессильно» изменить жизнь народа, что вследствие самой сущности самодержавия оно не может разрешить коренные противоречия русской жизни, поэтому для России остается только один путь — народной революции.

Система самодержавия в концепции Бакунина — это управление народом «сверху» посредством чиновничества: чиновничества, владеющего поместьями, и чиновничества в собственном смысле слова, находящегося на жалованье. Представление теоретика анархизма о единстве помещиков и чиновничества в России раскрывало проблему сущности самодержавия.

В царствовании Николая I Бакунин справедливо видел высшее выражение абсолютизма — системы, созданной Петром I [4, IV, с. 43–44]. Он доказывает мысль, что самодержавие в России уже совершило свой исторический, необходимый путь и в настоящее время существование его противоречит потребностям развития страны, народа.

С конца 1840-х гг. Бакунин утверждает принципиально важное для теории революционного анархизма положение о том, что тенденцией социально-экономического развития России является рост эксплуатации народа государством, чиновничеством, что государственная власть начинает зани-

мать главное, ведущее место в системе эксплуатации народа. Он обосновывает мысль, что первый важнейший вопрос общественных преобразований заключается в изменении системы власти, и показывает неспособность самодержавия решить коренные противоречия русской жизни, удовлетворить стремления крестьян и избавить народ от растущей эксплуатации государством на примере реформы государственной деревни П. Д. Киселева (1837–1841).

«В России каждая реформа есть только лишний шаг к революции, — утверждает он в «Защитительной записке». — ...Так, например, устройство государственных крестьян должно было служить образцом для частных владельцев. Что же произошло? Государственным крестьянам живется гораздо хуже, они подвергаются гораздо большим притеснениям и ограблению, чем даже помещичьи крестьяне. Они управляются русскими чиновниками — и этим все сказано. Прежде чем подумать о проведении малейшей реформы в России, нужно было бы очистить авгиевы конюшни русского чиновничества». Но это невозможно, продолжает он, так как «...нынешнее правительство не имеет никаких других органов, да и не может иметь никаких других, кроме этих чиновников, от которых нельзя же ожидать самоубийства» [4, IV, с. 40].

Бакунин доказывает, что грабящее народ чиновничество — это «естественное и неизбежное порождение русской правительственной системы», что это «язва России», «рак, разъедающий правительство до мозга костей», и правительство «не может его тронуть, не повредив самому себе, оно должно им пользоваться, оно должно позволять ему медленно вести себя к гибели...» [4, IV, с. 40]. Из этого следовало, что «...даже самые лучшие намерения этого правительства при проведении их в жизнь влекут за собою еще более невыносимый

гнет» для народа, поэтому «страдания, недовольство и нетерпение народа растут с каждым новым паллиативным средством, которое пытаются применить свыше для улучшения его положения». Исходя из этого анализа, Бакунин утверждает одну из основополагающих в теории революционного анархизма и народничества в целом идей, что сущность самодержавия состоит в подавлении, порабощении народа:

«...Русское правительство может применять исключительно паллиативные средства, ибо употребление всяких других для него невозможно по самой природе и цели его организации, созданной не для освобождения, а для подавления народов, — пишет он. — Чтобы доставить народу существенное облегчение или действительную свободу, оно должно было бы подорвать устои своего могущества, так как оно целиком и полностью основано на порабощении народа» [4, IV, с. 40–41]. И крестьяне, находящиеся в управлении министра государственных имуществ, испытывают вместо единоличного произвола помещика «систематическое притеснение и эксплуатацию *чиновников*. Чиновный же мир в России представляет органическое целое, лестницу, состоящую из бесчисленных ступеней, из которых нельзя пропустить ни одной, если хочешь добраться до вершины, до центра... Таким образом, — заключает он, — можно без труда понять, каким болотом пиявок является чиновничья каста для русского народа, с какой наглостью его обманывают, тиранят, причем он никак не может добиться правды...» [4, III, с. 408–409].

Бакунин доказывает мысль о всевластии чиновничества в России и об обреченности такого государства — системы, управляющейся посредством отделенной от народа власти:

«Многочисленность воров и бюрократический механизм делают всякие реформы

невозможными... ..Русский чиновный мир оказывается неисправимым, он угнетает народ, парализует даже хорошие, благодетельные предначертания царя или совершенно их игнорирует и этим ведет его к падению, — утверждает он в работе «Русские дела». — ...И может ли эта армия больших и малых воров и мошенников быть устоем государства? Совершенно очевидно обратное. Она есть крушение государства, бессознательный разрушитель всей системы, для охранения которой она, по ее мнению, работает, злейший враг царя. Чиновничья каста — и этот дух проникает великих и малых — смотрит на Россию как на широкую арену для своего грабежа и для своих хищений. Она одна благодаря своей многочисленности, равно как своей организованности... является *действительною владычицею России*» [4, III, с. 422–423, 425]. С последним замечанием совпадает утверждение Н. П. Огарева в статье «Современная Россия и ее развитие», написанной в 1868 г., через 20 лет после рассматриваемых работ Бакунина, в которой анализировалось развитие России после отмены крепостного права: «Наша действительность — это чиновничество» [8, с. 47].

Бакунин делает вывод о неспособности правительства удовлетворить интересы народа и, вследствие этого, о неизбежном падении системы самодержавия, существование которой вступало во все большие противоречия с потребностями русской жизни. Теоретик анархизма доказывает основанную на этом представлении мысль о росте ненависти народа к всевластному чиновничеству в России. В работе «Русские дела» он заявляет, что ненависть народа к чиновничеству уже превосходит его ненависть к дворянству: «Таким образом, естественным следствием этой грабительской системы чиновников является бесконечное озлобление народа против них, озлобление, которое далеко превосходит ненависть к дво-

рянству», и поэтому чиновный мир в России «...является уже не орудием императора, а только могучим орудием революции, в жертву которой он приносит и себя и царя» [4, III, с. 426].

В «Защитительной записке» Бакунин продолжает мысль о единстве российской чиновничье-помещичьей системы и о том, что русский народ в настоящее время более всего ненавидит чиновничество. «Русский народ ненавидит чиновников в собственном смысле еще сильнее, чем помещиков, — пишет он, — так как последние особенно за последнее время, отчасти из страха, а отчасти под благодетельным влиянием растущего просвещения (что особенно заметно на младшем поколении), обращаются со своими крестьянами уже гораздо человечнее и проявляют по отношению к ним гораздо больше справедливости, чем прежде» [4, IV, с. 42].

Данные рассуждения показывают, что Бакунин определил не только общие тенденции эволюции крестьянского движения в России второй четверти — середины XIX в., но и характерные оттенки общественного развития, взаимоотношения сословий накануне отмены крепостного права. М. А. Рахматуллин установил в своем исследовании, что к концу рассмотренного им периода (1826–1857 гг. — *И. К.*) «...практически для всего российского дворянства в отношениях с крепостными были характерны некоторое смягчение нравов и ограничение явного стремления к усилению эксплуатации» [12, с. 225–226]. Выводы В. А. Федорова о формировании наиболее крупных крестьянских капиталов в крепостной промысловой деревне (в торгово-промышленных селах, принадлежавших крупнейшим землевладельцам) и о том, что подобные капиталы не могли образоваться в государственной деревне [11, с. 139], подтверждают справедливость наблюдений Бакунина о последствиях

методического характера эксплуатации крестьян государством, «чиновнического ограбления» народа.

Таким образом, определение государства в сложившейся теории анархизма Бакунина, сформулированное им в конце 1860-х — начале 1870-х гг.: государство — это господство, насилие, господство посредством насилия, систематизированное главенство и эксплуатация, — было прямо обусловлено его анализом социально-экономического и общественно-политического развития России. Оно явилось следствием изучения им процессов и тенденций развития страны, русского народа. Этот анализ доказывает знание создателем теории революционного анархизма русской жизни.

В своей характеристике положения народа в России в дореформенный период Бакунин отмечает также то, что вследствие общей противоположности между народом (всем народом) и государственной системой не существует «резких национальных разделений» крестьянства, которое объединяет общее стремление к свободе. В его концепции подчеркивается способность народа в России к самостоятельному социальному творчеству. «Русский крестьянин, — пишет он, — не подвержен никакому казенному влиянию и... носит в себе целый самобытный мир — безграничный мир пожеланий, чаяний и мести» [4, IV, с. 42–43].

Это основополагающее для политической программы революционного анархизма положение, утверждавшееся Бакуниным с конца 1840-х годов, — о самостоятельности стремлений русского крестьянства, относительно высоком уровне, несмотря на все притеснения, внутренней свободы народа и о его способности к самостоятельному творчеству — было обусловлено в системе взглядов Бакунина сознанием крестьян своего права на землю и традицией

крестьянского самоуправления. Общинное крестьянское землепользование и самоуправление, в концепции Бакунина и народнической теории в целом, имело определяющее значение в истории России, русского народа, что соответствует современному научному пониманию этой проблемы [10].

Существование самобытного мира народа, народных стремлений и идеалов, противостоящего чиновничье-помещичьей системе самодержавия, обуславливало в мировоззрении Бакунина неизбежность крестьянской революции. «Крестьянская революция в России, — говорится в «Защитительной записке», — нанесет правительству смертельный удар, разрушит существующее государство, а такая революция неизбежна: ничто не в силах ее отворотить, рано или поздно она вспыхнет, и чем позднее, тем она будет ужаснее и разрушительнее» [4, IV, с. 43]. Последнее замечание Бакунина подчеркивает глубину его политического мышления.

Теоретик бунтарства верно передает возбужденное настроение, «брожение умов» среди крестьян в предреформенный период, распространение всевозможных слухов, отражавших крестьянские чаяния, стремления, надежды и приводивших к волнениям, к массовым передвижениям крестьян.

Рост самосознания народа он связывает также с распространением в России в это время множества религиозных сект. В конце 1840-х — начале 1860-х гг. Бакунин крайне преувеличивал значение «разрушительной пропаганды» религиозных «бунтовщиков», но верно определил социальную сущность и антиавторитарную направленность раннего сектантства в России. Он показал сложность, противоречивость сектантского сознания, в «невежественной фантазии» которого «перемешаны, самым причудливым образом, нелепейшие

представления — с гуманными принципами и глубочайшими предчувствиями лучшей не небесной, а земной будущности» [4, IV, с. 36–37]. В русском сектантстве Бакунин видел выражение стремления народа двигаться «вперед собственными силами», «собственными путями пробить себе дорогу к свету и свободе, несмотря на все виды полиции, на Сибирь, на кнут» [4, IV, с. 37]. Теоретик анархизма, подобно В. Г. Белинскому, правильно отметил особенность веры русского народа — отсутствие мистики, мистической экзальтации [9, с. 15]. Однако в целом в его взглядах рассматриваемого периода отразилось характерное для русской революционной демократии конца 1840-х — начала 1860-х гг. ошибочное представление о «политическом» (революционном) значении сектантства в России. Утверждения Бакунина о секуляризации народного сознания и иллюзорности царизма русского народа, о том, что «царь является лишь верховным главою полицейской церкви, но последняя не пользуется ни малейшим влиянием на народ», выраженные им на рубеже 1840–1850-х гг., не соответствовали истине. По подсчетам Б. Г. Литвака, к концу 1850-х гг. число крестьян, не ходивших к исповеди, удвоилось по сравнению с концом XVIII в., приблизительно 8–10% крестьян в середине XIX в. «перестали выполнять установленную законом важнейшую обязанность верующего... а если считать непричащавшихся, то не менее 5 млн ежегодно демонстрировали свое безразличие к церкви» [9, с. 18]. Следовательно, о секуляризации народного сознания в предреформенные десятилетия можно говорить только как о зарождающейся тенденции, и вера народа в царя в это время была незыблемой. В сложившейся теории революционного анархизма проблема царизма народа решается Бакуниным принципиально иначе, чем на рубеже 1840–1850-х гг. Вера в царя является в ней

одним из главных «затемняющих черт» русского народного идеала.

В концепции Бакунина конца 1840-х гг. подчеркивается способность и желание русского народа мирно уживаться с другими народами и верами, отсутствие у него религиозного фанатизма, который порождается лишь преследованиями правительства. Он правильно показал волнообразный характер преследования старообрядцев самодержавной властью.

Теоретик бунтарства верно отмечает появление среди крестьян лидеров, вожаков, готовых на самопожертвование, чтобы «постоять за народ», даже на гибель, и глубокое сочувствие к ним мира [4, III, с. 407–408]. Осведомленность Бакунина в вопросе современного ему крестьянского движения в России доказывает также его указание на роль в этом движении отставных и отпускных солдат [4, III, с. 404], которые, действительно, часто выступали вожаками («застрельщиками») крестьянской борьбы в этот период. Он обоснованно объясняет причину активности отставных и отпускных солдат в движении, равно как и одно из основных требований крестьянских волнений того времени — отмены рекрутчины, положением солдат в русской армии, подвергающихся систематическому воровству своих командиров — военных чиновников, телесным наказаниям и другим унижениям [4, III, с. 400]. Бакунин показывает внутреннюю противоречивость народных бунтов, утверждает, что «во время таких восстаний проявляется величайшая дикость, но также и самый возвышенный героизм» [4, III, с. 407].

Из анализа внутреннего развития России, положения и борьбы крестьянства Бакунин в конце 1840-х гг. делает главный для программы революционного анархизма и движения революционного народничества в целом вывод: «Свобода и жизнь исходят только из народа, а в русском народе

достаточно элементов для великого человеческого будущего» [4, IV, с. 43]. Но так как государство в России «чуждо и враждебно самому народу», из этого следовало, «что русский, любящий свое отечество, может ненавидеть русское государство, даже должен его ненавидеть» [4, IV, с. 43–44]. Необходимость борьбы против существующей государственной системы была обусловлена во взглядах Бакунина противоположностью ее интересам народа.

Таким образом, в конце 1840-х — начале 1850-х гг. Бакунин дает в целом объективный анализ особенностей крестьянского движения в России предреформенных десятилетий, доказывающий знание им русской жизни. Теоретик бунтарства верно определяет приблизительную численность крестьянских выступлений («дюжина» в год), основные тенденции, требования и стремления народной борьбы того времени. Ошибочными были его утверждения о секуляризации сознания русского крестьянства и о «политическом» значении сектантства в России (от которых он отказался в «зрелый анархический период»). Основная мысль, которую доказывает на основании своего анализа Бакунин, заключалась не в идее о близости народной революции в России, а в утверждении, что русский народ уже не спит беспробудным сном, как это принято считать в Европе, а начал пробуждаться, и крестьянская революция «рано или поздно» совершится в России. Он обосновывает *движение* России к революции, то, что будущую русскую революцию «...ничто не остановит, так как все, что могло бы ей помешать, находится в состоянии разложения...» [4, III, с. 425]. Все это свидетельствует о реализме политического мышления Бакунина, о его способности видеть перспективу явлений и опровергает мнение об абстрактном, оторванном от жизни характере его представлений о России в рассмотренный период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артемов В. М.* Свобода и нравственность в русском классическом анархизме: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999. 45 с.
2. *Бакунин А. М.* Условие помещика с крестьянином. Трактат: В 3 тетрадах. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 542 Оленины. Ед. хр. 806.
3. *Бакунин М. А.* Избранные сочинения. Пб.; М.: Голос труда, 1919–1921. Т. I–V.
4. *Бакунин М. А.* Собрание сочинений и писем. 1828–1876. М.; Л.: Всес. о-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934–1935. Т. I–IV.
5. *Бокучава Г. Ш.* Политическая философия М. А. Бакунина и современность. М.: Диалог — МГУ, 1999. 133 с.
6. *Должигов В. А. М. А.* Бакунин и Сибирь (1857–1861). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1993. 148 с.
7. *Должигов В. А. М. А.* Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х гг.). Барнаул: Алтайск. гос. ун-т, 2000. 329 с.
8. Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Женева, 1868–1869: Kolokol (La Cloche), 1868; Supplement du Kolokol, 1869; Колокол. (Русское прибавление), 1868. Женева: Вольная рус. тип., 1868–1869. М.: Наука, 1978. 192 с.
9. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения / П. С. Кабытов, В. А. Козлов, Б. Г. Литвак. М.: Мысль, 1988. 237 с.
10. *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 2006. 568 с.
11. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. Т. 3. 623 с.
12. *Рахматуллин М. А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М.: Наука, 1990. 300 с.
13. *Сафонов Д. А.* Социально-политические воззрения крестьянства Южного Урала в середине XIX века. Оренбург: Оренбургская губерния, 1993. 101 с.

REFERENCES

1. *Artemov V. M.* Svoboda i нравstvennost' v russkom klassicheskom anarhizme: Avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. M.: MGU im. M. V. Lomonosova, 1999. 45 s.
2. *Bakunin A. M.* Uslovie pomeshchika s krest'janinom. Traktat: V 3 tetradjah. Otdel rukopisej Rossijskoj Natsional'noj biblioteki. F. 542 Oleniny. Ed. hr. 806.
3. *Bakunin M. A.* Izbrannye sochinenija. Pb.; M.: Golos truda, 1919–1921. T. I–V.
4. *Bakunin M. A.* Sobranie sochinenij i pisem. 1828–1876. M.; L.: Vses. o-vo politkatorzhan i ssyl'nopose-lentsev, 1934–1935. T. I–IV.
5. *Bokuchava G. Sh.* Politicheskaja filosofija M. A. Bakunina i sovremennost'. M.: Dialog — MGU, 1999. 133 s.
6. *Dolzhihov V. A. M. A.* Bakunin i Sibir' (1857–1861). Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 1993. 148 s.
7. *Dolzhihov V. A. M. A.* Bakunin v natsional'no-regional'nom politicheskom protsesse epohi «ottepeli» (rubezh 1850–1860-h gg.). Barnaul: Altajsk. gos. un-t, 2000. 329 s.
8. Kolokol. Gazeta A. I. Gertsena i N. P. Ogareva. Zheneva, 1868–1869: Kolokol (La Cloche), 1868; Supplement du Kolokol, 1869; Kolokol. (Russkoe pribavlenie), 1868. Zheneva: Vol'naja rus. tip., 1868–1869. M.: Nauka, 1978. 192 s.
9. Russkoe krest'janstvo: etapy duhovnogo osvobozhdenija / P. S. Kabytov, V. A. Kozlov, B. G. Litvak. M.: Mysl', 1988. 237 s.
10. *Milov L. V.* Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo protsessa. 2-e izd., dop. M.: ROSSPEN, 2006. 568 s.
11. Otechestvennaja istorija. Istorija Rossii s drevnejshih vremen do 1917 goda. Entsiklopedija. T. 3. M.: Bol'shaja Rossijskaja Entsiklopedija, 2000. 623 s.
12. *Rahmatullin M. A.* Krest'janskoe dvizhenie v velikorusskikh gubernijah v 1826–1857 gg. M.: Nauka, 1990. 300 s.
13. *Safonov D. A.* Sotsial'no-politicheskie vozzrenija krest'janstva Juzhnogo Urala v seredine XIX veka. Orenburg: Orenburgskaja gubernija, 1993. 101 s.